

УДК 821.161.1.09.“1890/1910”-14
doi 10.17072/2037-6681-2017-3-132-139

ОБРАЗ СКАНДИНАВСКОГО СЕВЕРА В РУССКОЙ ЛИРИКЕ 1890–1910 гг.

Ольга Сергеевна Туманова

аспирант кафедры русской литературы

Пермский государственный национальный исследовательский университет

614990, г. Пермь, ул. Букирева, 15. tumanova_os@mail.ru

SPIN-код: 3235-9461

ORCID: <http://orcid.org/0000-0002-3741-080X>

ResearcherID: E-6738-2017

Просьба ссылаться на эту статью в русскоязычных источниках следующим образом:

Туманова О. С. Образ скандинавского севера в русской лирике 1890–1910 гг. // Вестник Пермского университета. Российская и зарубежная филология. 2017. Т. 9, вып. 3. С. 132–139. doi 10.17072/2037-6681-2017-3-132-139

Please cite this article in English as:

Tumanova O. S. Obraz skandinavskogo severa v russkoy lirike 1890–1910 gg. [The Image of the Scandinavian North in Russian Poetry of 1890–1910]. *Vestnik Permskogo universiteta. Rossiyskaya i zarubezhnaya filologiya* [Perm University Herald. Russian and Foreign Philology], 2017, vol. 9, issue 3, pp. 132–139. doi 10.17072/2037-6681-2017-3-132-139 (In Russ.)

Образ скандинавского севера встречается в творчестве многих поэтов. Впервые он возникает в лирике Г. Р. Державина на исходе XVIII столетия, затем последовательно актуализируется в романтической поэзии и «чистой лирике» XIX в. Постепенно он эволюционирует до сложного конструкта 1890–1910-х гг., когда авторский миф сливается в единое целое со сложной системой скандинавских мифологических образов, дополняясь эстонскими и финскими (осознаваемыми как скандинавские) мифами и легендами. Значимую роль в его формировании сыграли и образы, заимствованные из современной норвежской и шведской литератур. Статья посвящена изучению основных репрезентаций образа скандинавского севера в лирике нескольких авторов Серебряного века (И. Северянина, А. А. Ахматовой, К. Д. Бальмонта, О. Э. Мандельштама, А. А. Блока и В. Я. Брюсова), а также анализу художественной семантики данных репрезентаций и связанных с ними сюжетов и мотивов. Образ скандинавского севера воспринимается на рубеже XIX – XX вв. в трех вариантах: как абстрактная и не имеющая точных географических координат родина, как рай для поэта и как место крушения мира и последней битвы – Рагнарёка. Все перечисленные репрезентации образа являются взаимосвязанными и взаимодополняющими, каждая из них требует отдельной интерпретации. Базовым образом-репрезентантом эпического мира скандинавского севера становится образ возлюбленной главного героя – северянки, причем данный образ отражает особый тип времени и пространства. Выбранный ракурс исследования позволяет ответить на вопрос о статусе образа Скандинавии в российском культурном сознании рубежа веков и возможном включении этого образа в широкий контекст «скандинавского текста» русской литературы.

Ключевые слова: поэзия Серебряного века; мифология; мифотворчество; ролевая лирика; образ возлюбленной.

Интерес к Скандинавии и скандинавским древностям зародился в конце XVIII в., но наибольшей популярности среди русских писателей и филологов достиг лишь в XIX в. (Г. М. Лестам, Ф. И. Буслаев, А. Н. Майков и др.). Некоторые древнескандинавские памятники культуры были неоднократно переведены на

русский язык и способствовали возникновению целого слоя историко-культурных аллюзий и реминисценций в русской литературе, в поэзии в частности. Этот вопрос специально рассматривается в работе Д. М. Шарыпкина «Скандинавская литература в России» [Шарыпкин 1980]. В фокусе внимания исследователя находятся литера-

турные связи России и стран Севера в период от эпохи Просвещения до начала XX в. Заслуживает упоминания библиографический указатель по исландской литературе Б. А. Ерхова [Ерхов 1997], в котором систематизированы сведения о переводах произведений исландской литературы и фольклора, а также содержатся сведения о печатных материалах, которые посвящены творчеству отдельных исландских писателей и исландской литературе в целом.

Симптоматично, что долгое время образ Скандинавии представлял интерес в границах оппозиции «свое / чужое», часто становясь при этом объектом междисциплинарных исследований (в этом отношении показательна статья В. С. Петрова «Игорь Северянин: Россия и Эстония» [Петров 2004]). В рамках другой оппозиции – «север / юг» – Е. К. Созина рассматривает образ Скандинавии в северных нарративах в литературе путешествий начала XX в. [Созина 2016]. Несмотря на глубокое изучение истории перевода скандинавской литературы на русский язык и влияния драматургии Г. Ибсена и А. Стриндберга на русскую культуру начала XX столетия, видение скандинавского севера русской поэзией оказалось в непосредственном фокусе историко-литературных исследований относительно недавно. Материалы международной конференции «Россия и Скандинавия: литературные взаимодействия на рубеже XIX–XX вв.» и научного семинара «А. Блок и Скандинавия», проведенных Институтом мировой литературы им. А. М. Горького 24–26 октября 2013 г., весьма убедительно свидетельствуют об этом. Так, Л. С. Гульба прослеживает мотивы скандинавской мифологии в поэзии Серебряного века на материале стихотворений В. Брюсова и А. Блока [Гульба 2014]. К биографическим аспектам видения Скандинавии К. Бальмонтом обращается Н. В. Дзущева [Дзущева 2014].

Отдельно следует отметить ряд работ, посвященных географическим образам, символам и мотивам в лирике Н. С. Гумилева: монографии Е. Ю. Раскиной «Поэтическая география Н. С. Гумилева» [Раскина 2006] и «Геософские аспекты творчества Н. С. Гумилева» [Раскина 2009], а также статью Л. М. Дедовой «Скандинавия в лирике Н. С. Гумилева» [Дедова 2011]. Е. Ю. Раскина делает ценные замечания о культуронимах в поэтическом мире Н. С. Гумилева – географических реалиях, наполненных культурно-философским и религиозным смыслом. Исследовательница отмечает, что «путешествие лирического героя сродни познанию, открытию, называнию, одухотворению и окультуриванию земного пространства» [Раскина 2009: 34]. Л. М. Дедова анализирует скандинавские мотивы

в лирике Н. С. Гумилева, связывая их с «русской идеей» в его поэзии.

Целью настоящей статьи является изучение основных репрезентаций образа скандинавского севера и исследование их художественной семантики в лирике таких авторов Серебряного века, как И. Северянин, А. А. Ахматова, К. Д. Бальмонт, О. Э. Мандельштам, А. А. Блок и В. Я. Брюсов. Выявление основных образов-репрезентантов Скандинавии и соотнесение их с поэтической традицией Серебряного века, рассмотрение взаимосвязи возникающих образов мифологии и культуры с типом субъекта лирического повествования помогают ответить на вопрос о статусе образа Скандинавии в российском культурном сознании рубежа веков. Под репрезентацией вслед за М. Ямпольским здесь и далее будем понимать «особую форму представления реальности, основанную на замещении некоего объекта его иллюзионным изображением» [Ямпольский 2007: 6]. Так, «заместителями» образа Скандинавии в лирике Серебряного века становятся образ возлюбленной и творчески переосмысленные образы скандинавской мифологии. С. И. Пискунова обращает внимание на важную функцию репрезентации, также принципиально значимую для нашего исследования в аспекте субъектно-объектной организации текста: «Репрезентация может служить средством объективации содержания сознания героя и / или его творца как главных субъектов и объектов повествования» [Пискунова 2014].

В русской поэзии 1890–1910 гг. зарождается синкретичный образ «России-Скандинавии». Он широко представлен в лирике Игоря Северянина. Образ севера как части родины предстает в аскетичных тонах, он связан с мотивами тоски и ожидания, но именно он важен как отправная точка для индивидуального мифотворчества поэта. *«Мне нравится унылая природа / Мне дорогого севера с красой / Свободного славянского народа / С великою и гордою душой. / На север я хочу! На север милый!»* [Северянин 1999: 178]. Через призму образа русского севера начинает конструироваться образ скандинавского севера, противостоящего в более позднем творчестве итальянскому югу и отчасти бросающего вызов «итальянскому мифу русской культуры»: *«Тебя все манит Калабрия, Меня – Норвегии фьорд»* (1909) [Северянин 1999: 314].

Север как часть родной земли представляется поэту концентрированным образом России. С ним прочно ассоциированы такие топосы, как лес, степь, поле. Образ леса связан с народной культурой: *«Мне чудится, что леший правит свадьбу / Пируя у невесты, у Яги»*; *«Мне чудится, что рядом пляшут бесы, / И ведьмы сзади*

водят хоровод» (1905) [там же: 178]. Русский север – это «мерзлое царство снега», «волшебные пейзажи, бегущие при трепетной луне», «лес в одежде цвета изумруда» [Северянин 1999: 178]. Этот дикий мир является родным для лирического героя, именно его он маркирует как «свое» пространство: «Я – властелин над ними! Я – хозяин / Я здесь дышать и властвовать могу» [там же: 178], его он готов воспевать. Но север манит героя не только своим романтическим колоритом; север символизирует духовную чистоту, здесь «правду видит... радостный взор» [там же: 179]. Герой шлет югу лишь ироничный «северный привет» (1909) [там же: 88].

Образ севера в лирике О. Э. Мандельштама, младшего современника И. Северянина, репрезентируется через топос Вальхаллы и также сохраняет связь с архаической традицией, но при этом имеет некоторые окказиональные черты: «А там дубовая *Валгалла* / И старый пиршественный сон: / Судьба велела, ночь решала, / Когда проснулся телефон» (О. Э. Мандельштам «Телефон») [Мандельштам 1990: 117]. Эпитет «дубовая» (включающий в себя значение «незыблемый»), примененный к образу Вальхаллы, является окказиональным привнесением. Конечно, можно предположить, что он символизирует прочность и незыблемость мироздания, однако это может быть и ассоциация с северным лесом или даже с мировым древом (несмотря на то, что канонический Иггдрасиль – это ясень, ассоциативное мышление О. Э. Мандельштама могло внести некоторые инновации). Интересным нам кажется замечание А. А. Афанасьева: «Предания о мировом древе славяне относили преимущественно к дубу. В их памяти сохранились сказания о дубах, которые существовали еще до сотворения мира» [Афанасьев 1982: 214]. Таким образом, определение *дубовая* может считаться элементом славянизации топоса Вальхалла. «Пиршественный сон» – на первый взгляд, несомненно, архаический мотив. Между тем топос Вальхалла – мир битвы, в котором нет места сну. Вальхалла как образ, претерпевший окказиональные изменения, – это незыблемый, непоколебимый мир абсолютной статики. Однако в другом тексте мы видим полное следование архаической традиции: «В серебряном ведре нам предлагает стужа / *Валгаллы* белое вино, / И светлый образ северного мужа / Напоминает нам оно» (О. Э. Мандельштам «Когда на площадях и в тишине келейной...») [Мандельштам 1990: 135]. Ассоциации Вальхаллы со светом и холодом весьма любопытны: в соседстве с образом «северного мужа» они воссоздают канонический визуальный (а не только звуковой, ранее традиционный для русской лирики) образ севера.

«Звуковое» видение скандинавских мифологических образов является специфически русской чертой, сложившейся с XVIII в. в русской поэзии, когда образ Вальхаллы начинает расширяться за счет звуковых, а не визуальных ассоциаций. Этой традиции положил начало Г. Р. Державин в стихотворении «На победы в Италии» (1799): «*Се Рюрик торжествует / В Валкале звук своих побед*» [Державин 1985: 386]. В этом же стихотворении валка (т. е. валькирия) бьет в «далекозвонкий щит». В XIX в. эту традицию продолжили А. Н. Майков и В. Ф. Раевский.

Факт возникновения такого рода поэтических ассоциаций можно объяснить тем, что в сагах «Старшей Эдды» визуальный образ Вальхаллы прописан предельно точно (например, в саге «Речи Гримнира», которая может служить своего рода путеводителем по Асгарду); в названной саге имеется упоминание о «блеске мечей, Вальхаллу озаряющем» [Старшая Эдда 1975: 211]. Вероятно, по аналогии возник метонимический перенос по принципу: свет мечей – звук (лязг, звон оружия в битве, военные трубы и т. п.). Поэтому русская Вальхалла обрела звучание поля брани и победного пиршества (звон струн) и надолго застыла в поэтической традиции именно в таком виде.

В то же время север может быть представлен как реальное, но недоступное лирическому герою пространство. Как правило, с ним связан яркий образ-репрезентант – образ возлюбленной лирического героя (например, «северянка», «Сольвейг полярная, блондинка печальная», «Ингрид» в поэзии Игоря Северянина, «валькирия-Ольга» в лирике Н. С. Гумилева, валькирия как идеал героя-воина в современной ролевой лирике), с которой он в разлуке. Она является своеобразным «проводником» в иной мир скандинавского севера (и вызывает определенные ассоциации с обитательницами Асгарда, «верхнего мира»).

Образ северянки Сольвейг, героини пьесы Г. Ибсена «Пер Гюнт», является одним из воплощений Прекрасной Дамы для лирического героя А. Блока (стихотворения «Сольвейг» и «Сольвейг! О, Сольвейг! О, Солнечный Путь!» (оба – 1906)) [Блок 1960: 96]. С этим образом оказываются связанными устойчивые мотивы прозрения, духовного исцеления, познания сути жизни и обретения истинной любви. Ибсеновская героиня – это идеальный собирательный образ скандинавской женщины, одновременно и носительницы памяти о героическом викингском прошлом, и верной возлюбленной, ожидающей лирического героя «на том берегу». Вследствие высокой степени исследованности «ибсеновского текста» в русской литературе (и в творчестве

А. А. Блока, в частности) не имеет смысла оставаться на данных стихотворениях. Рассмотрим подробнее образ севера в лирике А. А. Блока, который оказывается обойденным вниманием исследователей. Наиболее часты обращения к образу севера в 1900–1909 гг. Север в лирике Блока задается как вектор движения души лирического героя, конечная цель фантомного путешествия, что можно заметить в стихотворениях «Шел я на север безлиственный...» (1900), «Пробивалась певучим потоком» (1902) или «Дали слепы, дни безгневны...» (1904). Лирический герой Блока называет север «давним другом» в стихотворении «На чердаке» (1906) [Блок 1960: 205], ради севера герой оставляет другой сакральный локус русской лирики – Венецию: «*Мы из Венеции на север шли...*» (1902) [там же: 500]. Путь на север – это своеобразная инициация лирического героя Блока, он оставляет позади все наносное и сиюминутное. В представлении лирического героя север творит метаморфозы с временем и пространством: «*В день превращал живую ночь*» [там же: 266], аскетизм бесплодных земель замедляет ход времени («*Тихонько тлеет жизнь моя*») [там же: 75].

Пространство севера вносит коррективы в образ возлюбленной: он становится в некоторой степени пугающим – она олицетворяет и холод, неживое начало, она приходит из «снегового сумрака» и ведет за собой «вьюжные трели» [там же: 81]. В стихотворении «На чердаке» с образом возлюбленной связана тема смерти – возлюбленная лирического героя спит в ледяном гробу, что можно считать имманентной отсылкой к норвежской несказочной прозе, визуализированной художником Т. Киттельсеном.

Образ севера в лирике А. А. Блока, несмотря на постоянно подчеркиваемую амбивалентность «пространство жизни – пространство смерти», все же осознается лирическим героем как пространство непростого принятия жизни и творчества во всех противоречиях – скорее чистилища, нежели рая.

Образ северянки Сольвейг, идеальной возлюбленной лирического героя, появляется в стихотворении «Кэнзель X» И. Северянина. На ассоциативном уровне образ возлюбленной воспринимается как целебное средство от духовной слепоты лирического героя, «этический маяк» на пути обретения чистоты и прозрения (которые, согласно концепции поэта, можно обрести лишь на севере).

Портрет возлюбленной-северянки изобилует цветовыми эпитетами: она – «*ледяная сапфирино-жемчужная царица*» [Северянин 1999: 124], «*лебедь белая, голубка сизая*» [там же: 125],

«*среброструнная*» [там же], «*неземная и бирюзовая*» [там же: 263].

В лирике Серебряного века имеется прецедент обращения к пространству-субституту Скандинавии. Так, лирического героя И. Северянина окружает полумифическая страна «Эстляндия», она примиряет его с действительностью, являясь преддверием свидания с возлюбленной в желанной Скандинавии: «*О, сказанья про Ингрид! О, Норвегии берег! / О, эстляндские зори! / Лишь в Эстляндии светлой мне дано вас увидеть / наяву!*» («Эстляндская поэза») [Северянин 1999: 263].

Таким образом, пространство «Эстляндия» органично вписывается в сакральный для поэта синтетический образ севера. Соединение образов эстонской и скандинавской мифологии в художественном мире И. Северянина способствует созданию универсального образа Скандинавии. На севере лежит воображаемая страна Миррелия; имя «Сканда» становится одновременно синонимом имени любимой и наименованием желанной страны. В рамках этого мифологизированного топоса начинают существовать стилизованные под исландские саги авторские сказания (например, об Ингрид и Эрике). Однако иных прецедентов создания пространства-посредника в поэзии XX и XXI вв. встречено не было.

Север – центр духовных устремлений безымянного героя поэмы А. А. Ахматовой «У самого моря» (1909). Север «сероглазого мальчика» (прототипом которого традиционно считается Н. С. Гумилев [Фридендер 1995: 115]) не имеет точной географической локации, впрочем, как и север в лирике Серебряного века в целом. С севером и с «мальчиком» ассоциативно связана одна и та же холодная, практически ахроматическая цветовая гамма – сочетание серого и белого цветов («*сероглаз был высокий мальчик*», «он принес мне *белые* розы»), причем цветовые определения «сероглазый» и «белый», подобно географической абстракции «север», дважды повторяются во фрагменте, посвященном неудачливому поклоннику лирической героини. Такие лексические повторы, свойственные сказовому языку поэмы «У самого моря», сводят на нет вероятность случайной ассоциации и дают нам основания говорить о мифологизации образа севера в контексте поэмы Ахматовой, причем этот процесс является односторонним: для героя север – некий абстрактный топос, место, куда грезящий высокими рыцарственными помыслами герой-мечтатель хочет сбежать с возлюбленной. Рыцарственность молодого героя подчеркнута при помощи символики цвета: белая роза свидетельствует о высоте помыслов, серый цвет глаз героя косвенно номинирует цвет северного неба.

Однако для лирической героини образ севера лишен романтического флера, поскольку мир грез «мальчика» безразличен ей («Оттого что я не хотела // Ни роз, ни ехать на север») [Ахматова 1997: 269].

Как отдельный северный топос, не нуждающийся в репрезентанте, Вальхалла широко распространена в лирике К. Д. Бальмонта. Образ Вальхаллы в стихотворении «Среди шхер» (1908) у него сопряжен с водной стихией: «*Пред вами, картина такая, / Что с уст не срывается слово, – / И белая пена морская – / Как кудри царя водяного, / И брызг серебристых кристаллы, / И путь ваш в пучине безбрежной – / Как будто бы в царство Валгаллы / Вы мчитесь с валькирией нежной*». Связь образа Вальхаллы с водой раскрыта и в лирическом цикле «Вода» (часть 4 «Но переменная вода...»): «*Из влаги восстают кораллы, / И волны бешено кругом / Несутся в строе боевом, / Как викинги в предел Валгаллы*» [Бальмонт 1994: 177].

Можно предположить, что соотнесение водной стихии с Вальхаллой осуществляется на основе чисто фонетических ассоциаций (волны, влага). Кроме того, водная стихия ассоциируется с мореплавателями-викингами, соответственно, и со всем скандинавским миром. Однако у К. Д. Бальмонта есть и более классические варианты употребления данного образа: «*И если ты викинга счастья лишишь – в самом / царстве Валгаллы рубиться, / Он скажет, что Небо беднее Земли, из Валгаллы / он прочь удалится. / И если певцу из Славянской страны ты скажешь, / что ум есть мерило, / Со смехом он молвит, что сладко вино, / и песни во славу Ярила*» (К. Д. Бальмонт «Самоутверждение»); «*В лабиринтах ли Индийских, или в бешеной / Валгалле, / На уступах пирамидных Мексиканских теокалли, / Всюду – Демону в угодую – истязание умов, / Трепет вырванного сердца, темный праздник, темный / ров*» (К. Д. Бальмонт «Пронунсиамизенто» (1908)); в стихотворении «Туманный конь» (1908): «*Мистер-Марр гремит копытом, брызги молний – / чада мглы. / Быстро вороны промчались, реют с клетком орлы. / На кровавой красной ткани судьбы выткала Сеанейта. / К пиру! В Вальгелль! Там сочтем мы, сколько / воинов убито*» [там же: 179]. Несмотря на то что образ предстает в необычном окружении славянских и ацтекских мифонимов, в нем сохранены архаические черты: Вальхалла подается как рай, причем этот рай характеризуется эпитетом «бешеный».

Скандинавский север предстает не только как потенциальный рай, но и как место последней битвы. Образ Рагнарёка – конца света в скандинавской мифологии, сопряженного с гибелью

богов и выходом из бездны хтонических чудовищ, – принадлежность исключительно поэзии XX в. Согласно «Старшей Эдде», предвестниками Рагнарёка стали трагическая смерть прекрасного бога Бальдера (Бальдура), а затем – нарушение родовых норм, кровавые распри родичей, моральный хаос.

Рагнарёк в начале XX в. предрекал ролевой герой В. Я. Брюсова в стихотворении «Бальдеру Локи» (1904). Текст В. Я. Брюсова построен как монолог от лица Локи (в данном случае речь идет именно о ролевом герое). В текст заложена изначальная антитеза «свет (Бальдер) – тьма (Локи)»: «*Светлый Бальдер! мне навстречу / Ты, как солнце, взносишь лик. / Чем лучам твоим отвечу? / Опаленный, я поник*» [Брюсов 1973: 56]. Герой Локи – это герой-завистник, мотивы зависти и соперничества в стихотворении проявляются на уровне ряда противопоставлений: «*Я взбегу к снегам, на кручи: / Ты смеешься с высоты! / Я внесу багряной тучей: / Как звезда сияешь ты!*» [там же]. Локи В. Я. Брюсова всеведущ: он знаком с пророчеством о судьбе Бальдера так же, как и о своей собственной. При этом он не пытается преодолеть его силу. Напротив, он изображен в порыве злобного торжества, именно он (а не пророчица-вельва) изрекает предсказание о Рагнарёке, гибели богов, и в этом проявляется темная, демоническая ипостась Локи как бога хаоса, бога-разрушителя: «*День настанет: огнебоги / Сломлют мощь небесных сил, / Рухнут Одина чертоги, / Рухнет древний Игдрозил. / Выше радуги священной / Встанет зарево огня, – / Но последний царь вселенной, / Сумрак! сумрак! – за меня*» [там же]. Локи берет на себя функции прорицательницы-вельвы, и эту деталь образа можно трактовать по-разному: как своего рода «спор с судьбой», когда герой намеренно нарушает сакральные правила, или же как проявление женской ипостаси образа. Локи позиционирует себя в качестве того, кто выйдет победителем из Рагнарёка. Существует черновой вариант данного стихотворения, в котором наиболее ярко демонстрируется связь образа Локи с другими хтоническими персонажами – инеистыми великанами-йотунами, волком Фенриром и др.: «*Солнце, звезды, месяц – канут. / Фенрис, сын мой, кинет клик, / дети сумрака восстранут / В ярой мести на владык. / Айфы, йоты, огнебоги / Выйдут против светлых сил! Все, что тленно, что нетленно / Сгинет в ярости огня*» [там же]. Такое изображение Рагнарёка полностью соответствует канону, установленному в «Старшей Эдде» (сага «Прорицание вельвы» [Старшая Эдда 1975: 181]). Однако в контексте данного стихотворения огонь, от которого по-

гибнет мир, мыслится не как очистительный, а как подвластный, управляемый Локи. Однако Рагнарёк есть вторичная цель Локи. Истинная победа для него – гибель Бальдера: «И когда за темной Гелой / Ты сойдешь к злоецим снам, – / Я предаю, со смехом, тело / Всем распятым! всем цепям!» [Брюсов 1973: 56]. Мотив распятия можно рассматривать не только как месть Бальдеру и надругательство над его телом, но и с точки зрения христианской символики. В последнем случае очевидна параллель, проведенная автором: Бальдер как жертва на кресте, герой, которому суждено воскрешение после Рагнарёка (своего рода «второе пришествие»).

В эддических сагах мотив зависти и мести Локи Бальдеру почти не выражен, злодеяния Локи, направленные против асов и, конкретно, Бальдера, объясняются скорее перманентной спецификой характера Локи: двуличностью, изворотливостью, хитростью, коварством. В. Я. Брюсов органично вписывает данные мотивы в структуру образа Локи, в результате чего образ становится более ярким и пластическим. Образ Бальдера в данной интерпретации также обогащается, насыщаясь библейскими аллюзиями (Авель, Христос) и становясь многомерным. Таким образом, на рубеже веков преодолевается каноническое, одномерное изображение эддических персонажей (например, у Г. Р. Державина или А. Н. Майкова), однако при этом устоявшийся канон не разрушается, а дополняется и расширяется новыми мотивами и аллюзиями.

Таким образом, амбивалентный образ скандинавского севера, ассоциируемый одновременно и с жизнью, и со смертью, и с любовью, мифологизируется русскими поэтами рубежа XIX–XX вв. в нескольких направлениях. Варианты репрезентации отражают направления мифологизации: с одной стороны, это север, видимый в романтическом свете, «сакральная родина души» (что можно проследить в лирике И. Северянина или в поэме «У самого моря» А. А. Ахматовой), с другой стороны – иной мир, поэтическая Вальхалла, пространство конца земной и начала вечной жизни (наблюдается у А. А. Блока, К. Д. Бальмонта, О. Э. Мандельштама). Связь образа скандинавского севера со смертью может быть реализована через эсхатологические мотивы и апокалиптическую символику (в дилогии В. Я. Брюсова «Бальдеру Локи») – этот пример показывает, как мироощущение переломной эпохи определяет рецепцию образов скандинавской мифологии и как миф превращается в «антимиф». Функционирование образа скандинавского севера в эпоху кардинальных изменений культурной парадигмы 1890–1910 гг. органично соотносится с поиском идентичности

и новых художественных форм, освоением литературой нового пространства в сочетании с конструктивистскими практиками поиска «потерянного рая».

Список литературы

- Афанасьев А. А. Мировое древо: избранные статьи / под ред. В. П. Кирдан. М.: Современник, 1982. 464 с.
- Ахматова А. А. Сочинения: в 2 т. М.: Худож. лит., 1990. 494 с.
- Бальмонт К. Д. Собрание сочинений в двух томах. Можайск: Терра, 1994. 704 с.
- Белый А. Избранное. СПб.: ТОО «Диамант», 1997. 448 с.
- Беовульф. Старшая Эдда. Песнь о Нибелунгах / пер. с др.-исл. А. Корсуна; предисл. А. Я. Гуревича. М.: Худож. лит., 1975. 752 с.
- Блок А. А. Собрание сочинений в восьми томах / под общей ред. В. Н. Орлова и др. М.: Гос. изд-во худож. лит., 1960. 516 с.
- Брюсов В. Я. Собрание сочинений в семи томах / под общей ред. П. Г. Антокольского и др. М.: Худож. лит., 1973. 479 с.
- Гульба Л. С. Скандинавская мифология в творчестве В. Брюсова и А. Блока. URL: <http://cyberleninka.ru/article/n/skandinavskaya-mifologiya-v-tvorchestve-v-bryusova-i-a-bloka> (дата обращения: 15.03.2017).
- Дедова Л. М. Скандинавия в лирике Н. С. Гумилева. URL: <https://www.hse.ru/pubs/share/direct/document/74431255> (дата обращения: 15.05.2017).
- Державин Г. Р. Сочинения / сост., биогр. очерк и коммент. И. И. Подольской. М.: Правда, 1985. 576 с.
- Дзуцева Н. В. «В зеленых глазах твоих, Скандинавия...» (Об одном иваново-вознесенском эпизоде биографии К. Д. Бальмонта) // Константин Бальмонт, Марина Цветаева и художественные искания XX века: межвуз. сб. науч. тр. Вып. 6 / Иван. гос. ун-т. Иваново, 2014. С. 140–148.
- Ерхов Б. А. Художественная литература скандинавских стран в русской печати: библиогр. указатель. М.: Рудомино, 1997. 165 с.
- Мандельштам О. Э. Стихи. Пермь: Перм. кн. изд-во, 1990. 382 с.
- Петров В. С. Игорь Северянин: Россия и Эстония // «Свое» и «чужое» в культуре народов европейского Севера: материалы 4-й Междунар. науч. конф. / Петрозаводск. ун-т. Петрозаводск, 2003. С. 75–79.
- Пискунова С. И. Репрезентация как тема и эстетический принцип М. де Сервантеса. URL: <http://cyberleninka.ru/article/n/reprezentatsiya-kak-tema-i-esteticheskiy-printsip-tvorchestva-m-de-servantesa> (дата обращения: 15.03.2017).

Раскина Е. Ю. Геософские аспекты творчества Н. С. Гумилева. М.: МГИ им. Е. Р. Дашковой, 2009. 200 с.

Раскина Е. Ю. Поэтическая география Н. С. Гумилева. М.: МГИ им. Е. Р. Дашковой, 2006. 164 с.

Северянин И. Тост безответный. Стихотворения, поэмы, проза. М.: Республика, 1999. 543 с.

Созина Е. К. Север в литературе путешествий начала XX века // Русский травелог XVIII–XX веков: маршруты, топосы, жанры и нарративы / Новосиб. гос. пед. ун-т. Новосибирск, 2016. С. 151–182.

Смирницкая О. А. Софья Свириденко и ее «Эдда». URL: <http://norse.ulver.com/articles/smirn/sviridenko.html> (дата обращения: 14.03.2017).

Старшая Эдда / вступ. ст. А. Гуревича. М.: Худож. лит., 1975. 752 с.

Фридендер Г. М. Пушкин. Достоевский. «Серебряный век»: статьи о Пушкине, о творчестве Достоевского, очерки о русских писателях конца XIX и XX века. СПб.: Наука-СПб., 1995. 523 с.

Шарыпкин Д. М. Скандинавская литература в России. Л.: Наука, 1980. 323 с.

Ямпольский М. Ткач и визионер: Очерки истории репрезентации, или О материальном и идеальном в культуре. М.: Новое лит. обозрение, 2007. 616 с.

References

Afanas'ev A. A. *Mirovoe drevo: izbrannye stat'i* [The world tree: selected articles]. Moscow, Sovremennik Publ., 1982. 464 p. (In Russ.)

Akhmatova A. A. *Sochineniya: v 2 t.* [Selected works: in 2 vols.]. Moscow, Khudozhestvennaya literatura Publ., 1990. 494 p. (In Russ.)

Balmont K. D. *Sobranie sochineniy: v 2 t.* [Collected works: in 2 vols.]. Mzhaysk, Tara Publ., 1994. 704 p. (In Russ.)

Bely A. *Izbrannoe* [Selected works]. St. Petersburg, TOO "Diamant" Publ., 1997. 448 p. (In Russ.)

Beovulf. *Starshaya Edda. Pesn' o Nibelungakh* [Beowulf. The Poetic Edda. The song of the Nibelungs]. Ed. by A. Ya. Gurevich. Moscow, Khudozhestvennaya literatura Publ., 1975. 753 p. (In Russ.)

Blok A. A. *Sobranie sochineniy: v 8 t.* [Collected works: in 8 vols.]. Ed. by V. N. Orlov et al. Moscow, Gos. izd-vo khudozhestvennoy literatury Publ., 1960. 516 p. (In Russ.)

Bryusov V. Ya. *Sobranie sochineniy: v 8 t.* [Collected works: in 7 vols.]. Ed. by P. G. Antokol'skiy et al. Moscow, Khudozhestvennaya literatura Publ., 1973. 479 p. (In Russ.)

Gul'ba L. S. *Skandinavskaya mifologiya v tvorchestve V. Bryusova i A. Bloka* [Scandinavian mythology in the works by V. Bryusov and A. Blok]. Available at: [\[dinavskaya-mifologiya-v-tvorchestve-v-bryusova-i-a-bloka\]\(http://cyberleninka.ru/article/n/skan-dinavskaya-mifologiya-v-tvorchestve-v-bryusova-i-a-bloka\) \(accessed 15.03.2017\) \(In Russ.\)](http://cyberleninka.ru/article/n/skan-</p></div><div data-bbox=)

Dedova L. M. *Skandinaviya v lirike N. S. Gumileva* [Scandinavia in N. Gumilev's poetry]. Available at: <https://www.hse.ru/pubs/share/direct/document/74431255> (accessed 15.05.2017) (In Russ.)

Derzhavin G. R. *Sochineniya* [Works]. Ed. by I. I. Podol'skaya. Moscow, Pravda Publ., 1985. 576 p. (In Russ.)

Dzutseva N. V. «V zelenykh glazakh tvoikh, Skandinaviya...» (Ob odnom ivanovo-vozneshenskom epizode biografii K. D. Bal'monta) [«In your green eyes, Scandinavia...» (About one Ivanovo-Voznesensk episode of K. Balmont's biography)]. *Konstantin Bal'mont, Marina Tsvetaeva i khudozhestvennye iskaniya 20 veka: Mezhdunarodnyy sbornik nauchnykh trudov* [Konstantin Balmont, Marina Tsvetaeva and poetic search of the 20th century: Proc. All-Russ. Sci. Conf.]. Ivanovo, 2014, pp. 140–148. (In Russ.)

Erkhov B. A. *Khudozhestvennaya literatura skandinavskikh stran v russkoy pechati. Bibliograficheskiy ukazatel'* [Literary works of the Scandinavian countries in Russian print. Bibliography list]. Moscow, Rudomino Publ., 1997. 165 p. (In Russ.)

Mandelshtam O. E. *Stikhi* [Poetry]. Perm, Permское knizhnoe izdatel'stvo Publ., 1990. 382 p. (In Russ.)

Petrov V. S. Igor' Severyanin: Rossiya i Estoniya [Igor Severyanin: Russia and Estonia]. «Svoe» i «chuzhoe» v kul'ture narodov evropeyskogo Severa: *Materialy 4-y mezhdunarodnoy nauchnoy konferentsii* [Their own and others' in the culture of European North's people: Proc. of Int. Sci. Conf.]. Petrozavodsk, 2003, pp. 75–79. (In Russ.)

Piskunova S. I. *Reprezentatsiya kak tema i esteticheskiy printsip M. de Servantesa* [Representation as the theme and principle of M. de Servantes]. Available at: <http://cyberleninka.ru/article/n/reprezentatsiya-kak-tema-i-esteticheskiy-printsip-tvorchestva-m-de-servantesa> (accessed 15.03.2017) (In Russ.)

Raskina E. Yu. *Geosofskie aspekty tvorchestva N. S. Gumileva* [Geosophic aspects of poetry by N. Gumilev]. Moscow, E. R. Dashkova Moscow Institute for the Humanities Press, 2009. 200 p. (In Russ.)

Raskina E. Yu. *Poeticheskaya geografiya N. S. Gumileva* [Poetic geography of N. Gumilev]. Moscow, E. R. Dashkova Moscow Institute for the Humanities Press, 2006. 164 p. (In Russ.)

Severyanin I. *Tost bezotvetnyy: Stikhotvoreniya, poemy, proza* [Unanswered toast: poetry, poems, prose]. Moscow, Respublika Publ., 1999. 543 p. (In Russ.)

Sozina E. K. *Sever v literature puteshestviy nachala 20 veka* [The North in the travel literature at

the beginning of the 20th century]. *Russkiy travelog 18–20 vekov: marshruty, toposy, zhanry i narrativy* [Russian travelog of the 18th–20th centuries: routes, genre and narratives]. Novosibirsk, Novosibirsk State Pedagogical University Press, 2016, pp. 151–182. (In Russ.)

Smirnitckaya O. A. *Sof'ya Sviridenko i eye «Edda»* [Sof'ya Sviridenko and her Edda]. Available at: <http://norse.ulver.com/articles/smirn/sviridenko.html> (accessed 14.03.2017). (In Russ.)

Starshaya Edda. Vstuplenie A. Ya. Gurevicha [Poetic Edda. Ed. by A. Gurevich]. Moscow, Khudozhestvennaya literatura Publ., 1975. 752 p. (In Russ.)

Friedländer G. M. *Pushkin. Dostoevskiy. «Serebryanyy vek»: stat'i o Pushkine, o tvorchestve Dos-*

toevskogo, ocherki o russkikh pisatelyakh kontsa 19 i 20 veka [Pushkin, Dostoevskiy. “Silver Age”: articles about Pushkin, Dostoevskiy’s works, sketches about Russian writers of late the 19th and 20th centuries]. St. Petersburg, Nauka-SPb Publ., 1995. 523 p. (In Russ.)

Sharypkin D. M. *Skandinavskaya literatura v Rossii* [Scandinavian literature in Russia]. Leningrad, Nauka Publ., 1980. 323 p. (In Russ.)

Yampol'skiy M. Tkach y visioner: Ocherki istorii representatsii, ili o material'nom i ideal'nom v kul'ture. [Weaver and visionary: essays on the history of representation or about material and ideal in culture]. Moscow, New Literary Observer Publ., 2007. 616 p. (In Russ.)

THE IMAGE OF THE SCANDINAVIAN NORTH IN RUSSIAN POETRY OF 1890–1910

Olga S. Tumanova

Postgraduate Student in the Department of Russian Literature
Perm State University

15, Bukireva st., Perm, 614990, Russian Federation. tumanova_os@mail.ru

SPIN-code: 3235-9461

ORCID: <http://orcid.org/0000-0002-3741-080X>

ResearcherID: E-6738-2017

We can find the image of the Scandinavian North in works of many Russian poets. This image emerges for the first time in poetry of G.R. Derzhavin in the late 18th century and obtains the complicated structure in 1890–1910, when the author’s myth merges with a complex system of Scandinavian mythological images, Estonian and Finnish (also taken as Scandinavian) myths and legends. Here we see important images, which were borrowed from modern Swedish and Norwegian literature. This article contains research on basic representations of the image of the Scandinavian North in the lyrics by several poets of the Silver Age (I. Severyanin, A. A. Akhmatova, K. D. Balmont, O. E. Mandelshtam, A. A. Blok and V. J. Bryusov). Moreover, the article deals with the analysis of artistic semantics of these representations, as well as of plots and motifs connected with them. In lyrics of these authors, the image of the Scandinavian North has a few symbolic meanings, which become objects of the research: firstly, the North as a part of Motherland, secondly, the North as a poetic Paradise, thirdly, the North as a place of Ragnarök, the end of the world. All of these representations are interconnected and complementary, each one needs to be interpreted specially. The basic representative image of this epic Scandinavian world is the beloved (who is a northern girl), this character being dependant on the type of time and space. The aspect chosen for research helps us to answer the question about the position of the image of the Scandinavian North in the Russian culture mentality of the late 19th – early 20th century. Furthermore, we shall include this image into a broad context of the Scandinavian text of Russian literature.

Key words: the Silver Age of Russian poetry; mythology; mythmaking; role lyric poetry; character of the beloved.